

Введенский А. И. Речь перед защитой диссертации: «Вера в Бога, ее происхождение и основания» // Прибавления к Творениям св. Отцов 1891. Ч. 47. Кн. 2. С. 461–482 (1-я пагин.).

Рѣчъ

предъ защитой диссертациі: „вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія“ *).

Ваше Высокопреподобіе,
Досточтимые отцы и мм. гг.!

Слѣдуя доброму старому обычаю, я хочу, до начала преній, познакомить Васъ съ задачею и результатомъ моей работы, — хочу показать, какъ у меня постепенно формулировался вопросъ и слагался на него отвѣтъ.

Моею задачею было выяснить основанія вѣры въ Бога, — не той вѣры, которая рождается отъ слуха т. е. отъ ученія Церкви, пасется, по отеческому выражению, на лугу духовныхъ писаній, оживляется и укрѣпляется благодатію таинствъ, но — той, которая коренится въ природныхъ стремленіяхъ нашей души, опирается на естественное откровеніе, сохраняется и воспитывается религіозною традиціею при содѣйствіи общей промыслительной благодати. Говоря иначе, я хотѣлъ выяснить основанія той вѣры, которую живетъ человѣкъ естественный, которому, однако, отнюдь не исключается вѣрою человѣка возрожденаго, вѣрою христіанскою, но необходимо входить въ нее, съ одной стороны, образуя въ ней глуб-

*) Произнесена въ актовомъ залѣ Академіи (29-го Апрѣля) и. д. доцента по каѳедрѣ Исторіи Философіи, А. Введенскаго.

бокій, такъ сказать подпочвенный слой, съ другой— находя въ ней свое восполненіе, раскрытие и завершеніе. Изслѣдуя этотъ вопросъ, я нашелъ, что не могу обойти другаго, тѣсно съ нимъ связаннаго, — вопроса о происхожденіи вѣры въ его двоякой формѣ: о происхожденіи *психологическомъ* — въ душѣ каждого отдельнаго человѣка, и *историческомъ* — въ родѣ человѣческомъ. Такъ сложилось заглавіе книги: «вѣра въ Бога ея происхожденіе и основанія».

Указанная задача, конечно, лишь въ общей формѣ, встала предо мною давно, — еще на школьнай скамьѣ. Она выросла изъ попытки примѣнить свѣдѣнія, полученные на классахъ философіи и богословія, къ потребностямъ устной апологетики. Я живо помню это время, — время неустановившейся мысли, неопределенныхъ порывовъ, вѣчно-новыхъ вопросовъ, время чуть не безграничной вѣры въ себя и въ тоже время почти ежеминутныхъ разочарованій. Въ стѣнахъ школы, въ ея умственной атмосферѣ, намъ дышалось легко. Мысль, правда, была заключена въ довольно узкихъ, строго очерченныхъ границахъ; но за то здѣсь, въ этихъ предѣлахъ, для нея было все ясно. По сю сторону — пестрая поверхность міра, область знанія чувственаго; по ту сторону свѣтлое царство идей, созерцаемыхъ умомъ; разсудокъ, познаетъ и оцѣниваетъ чувственное при свѣтѣ идеального, и раскрываетъ такимъ образомъ содержаніе свойственныхъ нашему духу идей и между ними высшей — идеи Божества: все ясно, какъ день. — На знакомые вопросы давались привычные отвѣты, которыми удовлетворялись и мысль была спокойна. Не то бывало за стѣнами школы, когда приходилось обсуждать тѣ же предметы въ средѣ людей, воспитанныхъ на иныхъ началахъ, мысль которыхъ вращалась въ кругу иныхъ представлений и понятій. Вопросы

ставились здѣсь иначе, привычными отвѣтами не удовлетворялись. И вотъ, когда приходилось вступать въ эту новую умственную атмосферу, прежняя ясность и увѣренность насть покидала: мысль путалась, терялась и искала новыхъ выходовъ.

Живо помню, какое смущеніе овладѣло мною, когда мнѣ пришлось впервые испытать это грубое прикосновеніе къ тѣмъ взглядамъ, которые, казалось, исключали всякое колебаніе. Мнѣ случилось тогда, въ одинъ изъ отпусковъ, попасть въ среду людей, у которыхъ, хотя они были воспитаны въ христіанскихъ преданіяхъ, если и сохранился свѣтъ вѣры, то развѣ лишь въ той неясной и слабой формѣ, въ которой вѣра всегда больше ищетъ, чѣмъ находитъ, больше спрашиваетъ и возражаетъ чѣмъ слушаетъ, всегда учится и никогда не научается,—въ среду скептиковъ. Споръ, конечно, не заставилъ себя долго ждать и сосредоточился,—какъ и думать слѣдовало,—около центрального пункта, около идеи Божества. Я опредѣлилъ содержаніе этой идеи, какъ у насть тогда опредѣляли,—по декартовски—признакомъ совершенства («Существо совершилъшее»). «Но совершенство,—возражали мнѣ,—есть нѣчто условное. У насть, напр., месть считается дѣломъ постыднымъ; но существуютъ цѣлые народы, у которыхъ даже убийство изъ мести считается не только похвальнымъ, но даже возводится въ правило. У насть престарѣлыхъ родителей окружаютъ заботами и попеченіями, а у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ ихъ предаютъ смерти и т. д. Слѣдовательно,—заключали,—совершенство не есть нѣчто прежде всего известное и бесспорное и нельзя видѣть въ немъ самое общее содержаніе идеи Божества. Да если и допустить это, если признать, что во всѣхъ живеть идея Совершенного, можемъ-ли мы усвоять ей дѣйствительность, можемъ-ли оправ-

дать ее фактами? Согласуются ли она съ тѣмъ, что мы повсюду видимъ вокругъ себя? Посмотрите, что такое природа, въ которой вы видите откровеніе Божественного совершенства. Это—какая-то темная, глухая, и безмысленная сила, которой все невольно подчиняется, которой для пополненія какой-то всеобщей гармоніи ежедневно требуются въ жертву жизни миллионы существъ, какъ будто безъ ихъ смерти остальной міръ и стоять не можетъ. При мысли объ этихъ страданіяхъ природа мерещится въ видѣ какого-то огромнаго, неумолимаго и нѣмаго звѣря, или вѣрнѣе—въ видѣ какой-нибудь громадной машины новѣйшаго устройства, которая безмысленно захватываетъ, дробить и поглощаетъ въ себя глухо и безчувственно, всѣ эти миллионы жизней. Нѣтъ, нельзя видѣть откровенія совершенства въ жизни природы, которая принимаетъ такія странныя, такія обидныя для нашихъ чувствъ формы»... Я не помню, конечно, всѣхъ, сказанныхъ тогда, словъ, но отлично запомнилъ ихъ тонъ, — тотъ развязный и оскорбительный для религіознаго чувства тонъ, съ которымъ я часто потомъ встрѣчался — и въ жизни и въ сочиненіяхъ такихъ философовъ какъ Юмъ и Милль, и въ сужденіяхъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ литературныхъ типовъ *). Само собою понятно, что для изобличенія этой столь коварно и искусно сплетенной лжи необходимо было ввести въ сознаніе моихъ противниковъ массу тонкихъ различій (например, между идеаломъ и дѣйствительностью, между закономъ и фактомъ, идеальнымъ стремленіемъ и достигаемымъ результатомъ и т. д.), новыхъ понятій (напр., понятіе грѣхопаденія, — этой

*.) См. романъ Ф. М. Достоевскаго: «Идіотъ» (Ч. III. гл. VI—VII).

нравственной катастрофы, внесшей разстройство и въ міръ физической), — словомъ, необходимо было радикально измѣнить точку зрења на предметъ. Слѣдовало возражать, напримѣръ, приблизительно такъ: «такъ какъ наши понятія о совершенствѣ, — по теоріи самихъ же противниковъ, — образуются изъ наблюденія характера нашихъ отношеній къ ближнимъ и ихъ къ намъ, то съ увеличенiemъ въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ правды и любви будетъ постепенно уменьшаться затрудненіе отыскивать въ міровомъ процессѣ и слѣды Божественной правды и благости. Возраженія, основанныя на существованіи зла въ этомъ мірѣ, будутъ терять свою силу по мѣрѣ уменьшенія зла нравственного и соціального, — этого печальнаго слѣдствія извращенія нашей воли. Человѣкъ лучшій и поэтому болѣе подобный Богу, справедливѣе будетъ судить о мірозданіи, будетъ менѣе воспріимчивъ къ кажущимся неправдамъ, которая въ сущности, быть можетъ, суть лишь его неправды, напрасно возлагаемыя имъ на порядокъ вещей. Слѣд., отъ насъ зависитъ разрѣшить вопросъ о злѣ, подавляя, по крайней мѣрѣ, свое зло, и дѣлая свою долю добра, которой мы теперь не дѣлаемъ. И что осталось бы отъ универсального зла, если-бы всѣ воли соединились во взаимной правдѣ и любви?» Вотъ что или приблизительно это слѣдовало-бы сказать тогда моимъ противникамъ. И ужъ конечно сознать это, выполнить столь сложную задачу было для меня совсѣмъ не по силамъ, тѣмъ болѣе что въ моихъ собесѣдникахъ говорила не логика, а чувство — надломленное и беспорядочное. Я скоро оставилъ по этому свой тезисъ и спустился ступенью ниже, съ точки зрења нравственной на телевологическую, — стала отстаивать идею Божества, какъ идею цѣлеполагающаго разума. Не буду утомлять Вашего вниманія

изложеніемъ преній по поводу этого новаго тезиса. Быть можетъ, въ нихъ нашлось бы кое-что поучительное и интересное, но,—надо правду сказать,—мнѣ не удалось отстоять и этой позиціи отъ страстныхъ нападеній моихъ оппонентовъ. И вотъ я быстро дѣлаю отступленіе,—въ томъ направлениі, въ которомъ, какъ мнѣ чуялось уже и тогда, лежитъ единственно обязательное для подобныхъ умовъ содеряніе идеи Божества,—къ понятію безконечности, къ тому вмѣстѣ и непостижимому и неопровергнему понятію, которое, по энергичному выражению Пастера, охватывая умъ, повергаетъ человѣка «во прахъ подавляющей тоски», грозить «ослабить всѣ пружины умственной жизни», наполняетъ душу «возвышеннымъ изступленіемъ Паскаля» и даже самаго позитивнаго изъ позитивистовъ заставляетъ просить «помилованія у своего разсудка». Мнѣ казалось, что это понятіе должно было смириТЬ умственную гордыню моихъ противниковъ и—я не ошибся. Дѣйствительно предъ лицемъ безконечности споры смолкли. Да и какъ иначе? Вѣдь она вторгается въ наше сознаніе всегда и повсюду, ея не обойдешь, не опровергнешь, да и не разгадаешь. Тутъ поневолѣ скажешь съ поэтомъ:

Кайся, орлиная сила!
Сдай провидѣнью кормило!
Дальше крылатая мысль не дерзай,
Духомъ смирися и якорь бросай... (*Шиллеръ*)

Припоминая потомъ подробности своихъ разсужденій, я многимъ остался недоволенъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, ужъ слишкомъ скоро покидалъ я выгодныя для себя позиціи и спѣшилъ къ послѣднему результату,—результату безспорно твердому, но зато въ положительному смыслѣ довольно незначительному. Вѣдь отъ понятія безконечности до живой вѣ-

ры въ Бога оставалось еще очень далеко!... Тѣмъ не менѣе, пренія имѣли и свой благотворный результатъ. Благодаря имъ я впервые выяснилъ дотолѣ смутное содержаніе идеи Божества, такъ сказать, разложилъ ее на основные моменты и вѣрнымъ инстинктомъ угадалъ моментъ самый общій, въ признаніи котораго, какъ я и доселѣ убѣжденъ, должны сойтись мыслители самыхъ различныхъ направленій, вѣрующіе самыхъ различныхъ складовъ. Позднѣе я убѣдился, что это, тогда лишь инстинктивно угаданная истина, вполнѣ отвѣчаетъ и фактамъ.

Уже будучи студентомъ, я познакомился съ извѣстною книгою Макса Мюллера «о происхожденіи религіи». Книга эта замѣчательна во многихъ отношеніяхъ,—замѣчательна своимъ до нагладности очевиднымъ опроверженіемъ теоріи происхожденія религіи изъ фетишизма, своимъ ученіемъ о «генотеизмѣ», какъ первоначальной формѣ вѣры, своею прозрачною исторіею древнѣйшей индійской религіи и т. д. Но меня поразило въ ней пожалуй не самое замѣчательное,—поразило *ученіе о восприятіи безконечности, какъ послѣднемъ психологическомъ основаніи и источникѣ вѣры въ Божество*. Теорія Макса Мюллера несомнѣнно развита съ довольно рѣзкимъ сенсуалистическомъ оттѣнкомъ; но эта психологическая односторонность ея въ значительной мѣрѣ искупается оригинальностью и вмѣстѣ твердостью ея фактическаго обоснованія. И вотъ эта - то открытая Максомъ Мюллеромъ возможность обосновать мою прежнюю догадку и увлекла меня тогда. Въ самомъ дѣлѣ, теперь оказалось, что и фактически самымъ общимъ, остающимся по исчезновеніи всѣхъ другихъ, элементомъ религіозныхъ вѣрованій служить идея безконечности, которая,—и въ этомъ несомнѣнно правъ Максъ Мюллеръ,—человѣку чувственному, внѣкуль-

турному действительно можетъ открыться не иначе, какъ въ формѣ безконечности пространственной, въ созерцаніи или воспріятіи далекихъ пространственныхъ перспективъ, — всего того, чему глазъ не можетъ положить предѣла (напр., горы, моря, пустыни и т. д.). Смотри отсюда, съ этой низшей ступени религіознаго сознанія, вверхъ я замѣтилъ, что предикативная, въ сущности лишь формальная идея безконечности наполняется конкретнымъ содержаніемъ каждою расою, каждымъ народомъ, каждымъ даже человѣкомъ по своему — смотря по своей индивидуальности и по условіямъ своего религіознаго развитія: такъ, туранцы (хамиты) чутьъ безконечное Божество лишь въ откровеніи всемогущества — какъ безконечную Силу; арійцы (іафетиты) — въ откровеніи премудрости, какъ безконечную, все проницающую мысль, воплощенную красоту и т. д.; симиты (евреи), равно какъ и другие народы, у которыхъ идеальные начала нашей природы воспитывались сверхъестественнымъ откровеніемъ, сохранили изначальную вѣру въ Божество, какъ безконечную силу нравственную. Такимъ образомъ оказалось, что a priori сдѣланное мною раньше различеніе основныхъ моментовъ идеи Божества примѣнимо и къ истолкованію историческаго религіознаго процесса, чѣмъ и обратно — доказывалась правильность указанного различенія. Для разсужденій обѣ основаніяхъ вѣры открывался теперь прочный базисъ и находились соответствующіе, довольно точные, представленія и термины.

Къ соображеніямъ двухъ только-что изложенныхъ порядковъ, изъ которыхъ одинъ вызывался практическими потребностями апологетики, а другой — сравнительно-историческими и сравнительно-миѳологическими данными, позднѣе присоединился третій — соображенія чисто философскія. Изучая исторію новѣйшей фило-

софії, я подмѣтилъ, что между метафизическими и гносеологическими предположеніями философскихъ школъ, системъ и направленій, съ одной стороны, и ихъ отношеніемъ къ моему вопросу, съ другой, существуетъ постоянная и логически - необходимая связь. Такъ, позитивисты не находятъ для вѣры никакого безусловнаго основанія; скептики (Юмъ, Милль, Кантъ, Новокантіанцы и др.) обосновываютъ ее всегда лишь практическіи; догматики—вмѣстѣ и практическіи, и теоретическіи. Далѣе, послѣдовательный эмпірикъ всегда ищетъ основаній вѣры въ чувственныхъ воспріятіяхъ, въ нѣкоторомъ неясномъ чувствѣ или ощущеніи универсальной силы; раціоналистъ—въ познаніи и лишь въ познаніи — въ познаніи законосообразности природы и міроваго процесса, такъ называемаго космическаго разума, (въ формѣ чаянія, интуиціи, представлениія, понятія, идеи и т. д.); идеалистъ — въ откровеніяхъ премірнаго Бога въ голосѣ совѣсти, въ разнообразныхъ идеальныхъ стремленіяхъ нашего духа, въ нравственномъ міропорядкѣ, въ опытахъ нравственно дѣятельной жизни и т. д. Я замѣтилъ, наконецъ, что и вопросъ «о пробужденіи религіознаго сознанія» въ человѣчествѣ рѣшается каждымъ направленіемъ философіи сообразно съ тѣмъ, какъ оно понимаетъ послѣднее основаніе вѣры: эмпірикъ истолковываетъ начало религіознаго процесса какъ обогатженіе олицетворенныхъ силъ природы (фетишизмъ, анимизмъ, эвгемиризмъ); раціоналистъ — какъ неопределенное чаяніе или прозрѣніе въ природѣ разумнаго (духовнаго) начала (натуралистическій пантезизмъ, генотеизмъ и т. д.); идеалистъ — какъ первооткровеніе. Такимъ образомъ, историко-филосовское изученіе вопроса помогло мнѣ сознать принципіальную необходимость того различенія въ содержаніи идеи Божества основныхъ моментовъ, которое я принялъ сначала

какъ удобный полемический пріемъ, а потомъ—какъ историческое обобщеніе. Такъ найденъ былъ принципъ для классификаціи различныхъ опытовъ объясненія вѣры.

Теперь, казалось бы, вопросъ былъ исчерпанъ: религіозное сознаніе разложено на элементы, каждый элементъ прослѣженъ до своихъ источниковъ, повидимому все ясно. И однако оставалось какое-то беспокойное чувство, что все это какъ будто еще что-то не то, что обойдена какая-то значительная сторона вопроса, что ускользнула отъ пониманія самая сущность религіознаго настроенія, душа вѣры—то, что связываетъ отдельные моменты въ живое единство, наполняетъ душу религіознымъ восторгомъ, движетъ волю на подвиги, требующіе часто громадныхъ усилий, настраиваетъ молитвенно умъ, ведеть на всемъ пространствѣ вѣковъ и у всѣхъ народовъ человѣка въ храмы и т. д. И вотъ, когда я вызывалъ въ памяти всѣ сдѣланныя мною историческія справки, всѣ пересмотрѣнныя опыты психологического анализа вѣры, всѣ философскія сужденія о ней, мнѣ казалось, будто я вижу нѣчто подобное видѣнію пророка Іезекіиля: поле, усыпанное костями, которые, однако, не срошены жизнами, не одѣты плотю, не покрыты кожею и не одувшевлены духомъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, предо мною лежалъ богатый и разносторонній материалъ, но ему недоставало связующаго начала, объединяющаго разрозненные составы и члены въ одно живое цѣлое,— недоставало духа жизни, который бы оживилъ этотъ умственный скелетъ. Его, этого животворнаго начала, приходилось ждать отъинуду: *приди душе и вдуни въ мертвыя сія и да оживнутъ.* И онъ пришелъ, этотъ духъ жизни, и совокупилъ кости, каждую къ составу своему... Но онъ повѣялъ не изъ обширныхъ и сложныхъ философскихъ изслѣдованій, не изъ ка-

кихъ либо новыхъ открытій, а изъ простыхъ сказаній маститой лѣтописи человѣчества, книги Бытія. изъ краткихъ и немногочисленныхъ указаній священныхъ писателей, изъ полу забытыхъ и столь часто осмѣива-емыхъ богословскихъ формулъ. Все это на время оттесненное изъ моего сознанія массою чисто фило-софскихъ соображеній, исполнилось теперь неисчер-паемаго смысла, засвѣтилось яснымъ свѣтомъ, встало во всей своей истинѣ и неотразимой силѣ, потому что лишь здѣсь видѣлся ключъ къ разрѣшенію всѣхъ насложившихся вопросовъ.

И во-первыхъ, для меня теперь ясно стало, откуда происходитъ все это разновѣріе и религіозное разномысліе,—непостижимое на первый взглядъ разномысліе. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы надѣлены одними и тѣми-же силами, предъ каждымъ изъ насъ одинъ и тотъ-же прекрасный міръ Божій: откуда-же различіе въ сужденіяхъ обѣ его Виновникѣ и въ отноше-ніяхъ къ Нему, различіе, доходящее до взаимныхъ недоразумѣній, до споровъ и вражды? Причина за-ключается въ нравственной жизни человѣка: таковъ отвѣтъ откровенія. Истина одна, но каждый человѣкъ познаетъ ее по своему, — познаетъ постольку, поскольку воплощаетъ въ своей жизни. *Практическое осуществленіе истины* является въ человѣкѣ *иносце-ологическимъ* началомъ ея познанія: подобное по-знается подобнымъ. Божественная истина дана человѣку искони—и во виѣшней природѣ, и въ душѣ, и въ сверхъестественномъ откровеніи; но человѣкъ разбиль въ себѣ образъ Божій и въ немъ, какъ въ разбитомъ зеркалѣ, стали тускло и невѣрно отражаться Божественные свойства. Онъ пошелъ своими путями и ушелъ отъ Бога. Въ этомъ разгадка религіозной исторіи древняго человѣчества. А человѣчество новое возвело историческій фактъ въ норму, въ неизбѣжный

законъ развитія. Отсюда и вся путаница, всѣ одностороннія теоріи происхожденія вѣры, всѣ односторонніе и враждующіе между собою взгляды на ея послѣднее основаніе. Конечно, это не даетъ еще апологету права уличать своего ближняго въ безнравственности всякой разъ, какъ онъ высказываетъ по вопросамъ религіознымъ сужденія ошибочныя; но обязываетъ его помнить объ этической природѣ религіознаго познанія и всегда въ преніяхъ о вѣрѣ указывать на необходимость принимать въ разсчетъ нравственно-практическій интересъ, какъ весьма важный факторъ,—исключать или вводить его смотря по ближайшей задачѣ. Онъ долженъ выяснить роковую необходимость закона, по которому нравственное расположение влечеть за собою потемнѣніе богопознанія, ни спаденіе съ высшей ступени его на низшую. По своей идеальной природѣ человѣкъ призванъ и долженъ стоять на ступени высшей; долженъ познавать Божественное начало жизни въ откровеніяхъ совершенства и духовной красоты, самъ пріобщаясь этому совершенству, увѣряясь въ его вѣчной истинѣ по его плодамъ, по тому всецѣлому удовлетворенію, которое оно вносить и въ умъ, и въ сердце, и въ волю, и во всю нашу духовную жизнь. Но если человѣкъ внутренно отдался отъ совершенства, если онъ не устоялъ въ правдѣ, тогда Божественное начало жизни познается имъ не опытно, а лишь отвлеченно,—какъ все связующій и всѣмъ управляющій законъ. Наконецъ, на третьей ступени, когда человѣкъ утратилъ необходимое для правильнаго, хотя бы и отвлеченаго познанія, безстрастіе, когда онъ погрузился въ область грубыхъ житейскихъ и чувственныхъ интересовъ, онъ познаетъ Божественное начало лишь въ откровеніи его могущества, ощущаетъ какъ силу, которая созидаетъ наше бытіе, даетъ намъ съ неба

благопріятный дождь, исполняетъ радостію и веселіемъ наши сердца, а иногда и караетъ насъ жезломъ жельзнымъ... И это есть самое общее познаніе, остающееся у человека одинаково на всѣхъ ступеняхъ его религіозного развитія. Его мы ясно различаемъ, напр., у нашихъ арійскихъ предковъ, которые, казалось, слышали тяжелый стукъ колесницы Индры, Зевса или Тора и различными празднествами привѣтствовали прибытие къ нимъ божества, непрестанно «бросающаго громовые удары». Тоже чувство безъ сомнѣнія, хоть разъ въ жизни, подмѣчалъ въ себѣ и каждый изъ насъ: ибо едвали кто не испыталъ когда-нибудь того-же, что чувствовалъ царь и пророкъ Давидъ, когда, напр., взывалъ: «Богъ славы возгрѣмѣлъ; гласъ Господа силенъ, гласъ Господа величественъ; гласъ Господа сокрушаетъ кецы, потрясаетъ пустыню, обнажаетъ лѣса»; «потряслась и всколебалась земля, дрогнули и подвиглись основанія горъ; поднялся дымъ отъ гнѣва Его; возгрѣмѣлъ на небесахъ Господь и всевышний даль гласъ Свой; пустилъ стрѣлы Свои и разсѣялъ ихъ, множество молний и разсыпалъ ихъ. И явились источники водъ и открылись основанія вселенной»... (Пс. 28, 17). Это чувство Божества въ природѣ сохраняетъ свою энергию даже и въ тѣхъ, самыхъ несовершенныхъ формахъ религіозного сознанія, въ которыхъ единое Божество уже раздроблено на сонмъ ограниченныхъ божественныхъ силъ, на царство божествъ полидемонизма.

Итакъ, первое, что уяснилось для меня при свѣтѣ вновь, но какъ-бы впервые озарившаго меня откровенного ученія, это—существенно этическая природа религіозного познанія. Затѣмъ мнѣ стало такъ-же ясно теперь, какую великую силу имѣеть человѣчество въ преданіи или въ такъ называемой религіозной традиціи. Я спрашивалъ себя: отчего это одинъ

человѣкъ не возвышается благоговѣйною мыслію выше слѣпой силы природы, а другой видѣть въ ней откровеніе сильнаго, — Того, о *Немъ-же живемъ, движемся и есмы*, Его приснотекущаго силу? Отчего одинъ въ устройствѣ природы видѣть лишь слѣпой и мертвый законъ, а другой откровеніе Законодателя? Отчего въ нашей совѣсти одинъ видѣть простое свойство нашей природы и даже не первичное, не непосредственное, а производное, будто-бы искусственно воспитанное, а другой — голосъ нравственнаго Законодателя и Судіи? Отвѣтъ на эти вопросы долженъ быть такой: «все зависить отъ точки зре́нія; дѣло и здѣсь, какъ повсюду, не въ фактахъ, а во взглядахъ на факты; взглядъ-же на факты, точка зре́нія прежде всего и въ значительной мѣрѣ (хотя и не исключительно), обусловлены преданіемъ, традиціею». Кто воспитался въ благочестивой семье, въ комъ сохранились воспоминанія о блаженныхъ минутахъ, проведенныхъ вмѣстѣ съ дорогими людьми въ родномъ храмѣ, въ которомъ онъ не разъ находилъ облегченіе и успокоеніе въ минуты скорби, тотъ уже одною силою этихъ сладкихъ воспоминаній изъ счастливаго и далекаго дѣтства удержится на религіозной почвѣ. Они, эти воспоминанія въ трудную минуту жизни удержануть человѣка отъ преступнаго и рокового шага, не даутъ ему броситься въ бездну сомнѣній, невѣрія и отчаянія. Они возродятъ его къ жизни, какъ возродила напримѣръ, Фауста св. пѣснь Воскресенія, когда онъ уже поднесъ къ губамъ смертоносный бокаль:

О, звукъ божественный! Знакомый сердцу звонъ
Мнѣ не даетъ испить напитокъ истребленья!
Его я узнаю: намъ возвѣщаетъ онъ
Божественную пѣснь святаго Воскресенія.
О, звуки чудные!...

Въ субботу тихую, въ священной тишинѣ,
Небесной я любовью проникался,
Молился жарко я и сладко было мнѣ.
Слеза катилась тихо за слезою
И новый міръ преъ взоромъ возникаль.
Припомнилось мнѣ все: и юности отвага,
И счастье дѣтское, потерянное мной.
О, нѣтъ! Не сдѣлаю я рокового шага:
Смягчаетъ душу мнѣ воспоминаній рой.
О, звуки чудные! гремите же: я внимаю,
Рыданья грудь тѣснить. Я снова въ жизнь
вступаю....

Священные завѣты, сладкія воспоминанія изъ золотаго дѣтства есть и у человѣчества. И оно живеть ими и ими прежде всего удерживается на религіозной почвѣ. Не о той, конечно, традиціи здѣсь идетъ рѣчь, о которой такъ часто говорять нынѣ представители эволюціонизма различныхъ толковъ, которая родилась будто бы изъ иллюзій, вскормлена невѣжествомъ и держится лишь на недоразумѣніи, на какомъ то непонятномъ ослѣпленіи и робости нѣкоторой части человѣчества,—нѣтъ, такая традиція была бы униженіемъ для человѣка, хулою для Бога, противорѣчила бы фактамъ и даже не объясняла бы сама себя, — но о той, которая ведеть свое начало отъ самооткровенія Бога, павшаго на воспріимчивую почву чистой природы первобытнаго человѣка, и сохраняется вслѣдствіе глубокой и несокрушимой потребности въ ней, какъ ключъ всемірной исторіи, какъ залогъ осуществимости лучшихъ чаяній нашего сердца. Я сказалъ, что гипотеза эволюціи региліозныхъ вѣрованій «противорѣчила бы фактамъ». Замѣчательно, въ самомъ дѣлѣ, что съ прогрессомъ сравнительно-исторического и сравнительно-миѳологического изученія религіи, би-

блейское учение о первооткровении находитъ для себя все болѣе и болѣе поддержекъ. Такъ, — одинъ изъ наиболѣе важныхъ фактovъ, — въ Ригъ-Ведахъ. этомъ спорномъ памятникѣ, который доселѣ обыкновенно истолковывали въ натуралистическомъ смыслѣ, въ настоящее время оказывается возможнымъ довольно точно и на совершенно объективныхъ основаніяхъ опредѣлить сѣды первобытнаго этическаго монотеизма. Именно, подъ руководствомъ выдающихся новѣйшихъ санскритологовъ (Максъ Мюллеръ, Лудвигъ, Шрацеръ, Грассманъ, Шобель и др.), современные апологеты (Пешъ, Шанцъ, Кукъ, Гутберле и др.) различаютъ здѣсь два цикла или, — точнѣе, — двѣ семьи божествъ. Во главѣ одного стоитъ Діаусъ — отецъ боговъ (который впрочемъ является чаще подъ образомъ Варуны, своего намѣстника, посредника между нимъ и міромъ); во главѣ другаго — Индра. Божества первого цикла являются преимущественно блюстителями нравственныхъ интересовъ и отношений; втораго — носителями силы, несвязанной никакимъ нравственнымъ принципомъ, которая, поэтому, можетъ проявиться во всемъ, — до разгульной удали и пьянства. Намѣстникъ Діауса. Варуна есть богъ глубокой мудрости и сокровенной мысли, открывающійся только вѣдущему мудрецу, все знающей, присутствующій невидимо при тайныхъ бесѣдахъ людей и открывающійся человѣку въ тѣснѣйшемъ единеніи съ нимъ союзомъ любви; напротивъ Индра есть богъ природы, тучегонитель и громовержецъ, стихія котораго — сокрушить, поразить, произвести смятеніе, нагнать на все живущее страхъ и трепетъ. Эти божества, равно какъ и ихъ царства, *нигдѣ въ Ригъ-Ведахъ не отожествляются*, стоять особнякомъ, вѣчно считаются, а иногда и открыто спорятъ изъ-за первенства и даже изъ-за са-

мой жизни — жизни въ сознаніи своихъ чтилелей (Мандала 4, 42; 10, 124) Древнѣйшій циклъ божествъ, судя по всѣмъ даннымъ, есть первый — циклъ Варуны и стоящаго за нимъ Діауса. Отсюда съ несомнѣнностію слѣдуетъ, конечно, что древнѣйшая религія аріевъ была выше и чище своихъ позднѣйшихъ формъ. Правда, здѣсь остается еще много темнаго, неразъясненнаго и потребуется работа, быть можетъ, не одного поколѣнія ученыхъ, прежде чѣмъ будетъ достигнутъ твердый результатъ; но и того, что уже сдѣлано, — ибо есть и вполнѣ безспорное, — достаточно, чтобы проникнуться самыми свѣтлыми надеждами на возможность совершенно научной постановки вопроса о первооткровеніи. Во всякомъ случаѣ, въ моихъ глазахъ наличныхъ данныхъ оказалось совершенно достаточно, чтобы принять учение о первооткровеніи не во имя его высокаго авторитета только, и не по однимъ лишь философскимъ соображеніямъ, но и въ виду историческихъ данныхъ.

Какъ ни велико, однако-же, значеніе религіознаго преданія для жизни вѣры, на немъ нельзя остановиться при ея объясненіи. Преданіе все-же есть нечто виѣшнее и, какъ все виѣшнее, не вводить насъ во внутреннюю скінню вѣры, но лишь подводить къ ней. Жизнь-же вѣры должна засвѣтиться изнутри, чтобы быть дѣйствительно жизнью, — силою, проникающею и движущею все существо человѣка, — должна засвѣтиться отъ самосвѣтащающагося свѣта Божественной благодати. Этого требуетъ и психологический анализъ акта вѣры, и философія, этому-же учить и откровеніе. Въ чёмъ состоить существо этого благодатного дѣйствія, мы не знаемъ, и небезопасно, по учению подвижниковъ, пытаться разглядѣть эту тайну; но мы узнаемъ ее по ея дѣйствію въ нашей душѣ: такъ и о дуновеніи вѣтра мы знаемъ лишь по

его дѣйствію, но откуда онъ приходитъ и куда уходитъ, не знаемъ. Дѣйствія-же благодати, направленная къ просвѣщенію ума и сердца человѣческаго свѣтомъ вѣры, состоять въ томъ, что она возжигаетъ въ нашей душѣ стремленіе къ Богу, измѣняетъ безбожную точку зреенія на міръ, заставляетъ видѣть въ немъ среду Божественныхъ откровеній, со-дѣйствуетъ нашимъ природнымъ силамъ въ свойственномъ имъ стремленіи къ богопознанію и направляетъ всѣ обстоятельства нашей жизни къ цѣлямъ религіознаго назиданія. Объ этихъ дѣйствіяхъ благодати ясно говорятъ подвижники благочестія, которые собственнымъ опытомъ извѣдали ихъ и свидѣтельствуютъ, что они воспламенялись тогда любовью къ небесному, возгорались духомъ, и на крылахъ безстрастія отъ служенія земному возносились къ Божественному. Но не совсѣмъ невѣдомы эти духовные восторги и людямъ «внѣшнимъ», живущимъ въ мірской суетѣ. И ихъ бѣдная духовнымъ содержаніемъ, какъ «пѣснь рабовъ однообразная», по выраженію поэта, жизнь подъ часъ прерывается вдругъ и неизвѣстно откуда возникшимъ напоминаніемъ о чёмъ-то давно забытомъ, но священномъ, — призывомъ къ чему-то иному, высшему. Правда, они говорятъ обо всемъ этомъ несвойственною предмету рѣчью, языкомъ обыденнымъ и не строгимъ; но чувствуется, что въ этой оболочкѣ заключено нѣчто весьма цѣнное, нѣчто не сочиненное, но пережитое, собственнымъ опытомъ извѣданное. Они свидѣтельствуютъ, что въ минуты душевнаго затишья, безотчетной тоски или любви безпредметной, откуда-то изъ глубины, изъ самаго средоточія духовной жизни раздается голосъ — внятный, хотя и неопределенный:

Кто я? — Меня не видить око...
Но близкій сердцу, какъ печаль,
Я, какъ мечта, ношусь далеко,
Зову и увлекаю вдаль.

Я — недоступный мыслямъ праздныи —
Я тотъ, кто въ благости своей
Законы даль звѣздамъ алмазныи,
Свободу даль душѣ твоей.

Живой источникъ мыслей тайныхъ,
Свой вѣчный свѣтъ вливаю въ нихъ;
Мнѣ мало дѣла до случайныхъ
Тревогъ и радостей земныхъ.

Но безконечно всюду вѣя,
Хочу, чтобы жизнь была полна,
Въ твоей душѣ вопросы сѣя,
Дышу на эти сѣмена....

(Полонскій)

Повторяю, все это слишкомъ не строго. «Безотчетный» голосъ въ сущности является довольно отчетливымъ, и мы ясно видимъ, откуда перенесены на него опредѣленныя черты. Но что все это сказано по живому опыту,—съ этимъ едва-ли есть какіянибудь побужденія спорить. Допущеніе подобныхъ опытовъ, такого переживанія Божественныхъ воздействиій вполнѣ согласно съ общимъ смысломъ теистического міросозерцанія. Безъ всякаго сомнѣнія и человѣкъ, совершенно вѣщній нашему христіанскому міру,—язычникъ испытываетъ нѣчто подобное, нѣкоторое чувство чего-то высшаго и стремленіе къ нему, если только онъ не совсѣмъ погрузился въ чувственную жизнь,—лучшій язычникъ: ибо «неужели Богъ есть Богъ іудеевъ только, а не и язычниковъ? Конечно, и язычниковъ» (Римл. 3, 29). Богъ, по апостолу, не

оставилъ, слѣдовательно, безъ своего благодатнаго, промыслительнаго руководства и язычниковъ: «свѣтъ (и) во тьмѣ свѣтится и тьма не обѣяла его» (Иоан. I, 5). Здѣсь, въ этомъ необѣятомъ тьмою свѣтъ, послѣднее основаніе и источникъ вѣры.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ общихъ приемахъ моей работы и о моемъ отношеніи къ авторитетамъ и источникамъ. Мною руководило глубокое убѣженіе, что прогрессъ богословскаго знанія и въ частности той области его, къ которой я отношу свое изслѣдованіе, т. е. апологетики, возможенъ не иначе, какъ при самомъ чуткомъ вниманіи со стороны богослововъ къ успѣхамъ знанія общаго. Мнѣ нѣть необходимости снова разъяснить здѣсь, что верховное руководство въ богословскихъ вопросахъ и въ частности въ моемъ, я всецѣло усвою ученію откровенному; но съ другой стороны я вовсе не раздѣляю мнѣнія тѣхъ скептиковъ, которые слишкомъ недовѣрчиво относятся къ общему знанію и особенно къ философіи и не ждутъ отъ нея никакой положительной помощи: иначе, преподавая философію, чemu-бы я училъ? развѣ была-бы достойна сколько нибудь серьезнаго вниманія наука, которая не даетъ ничего положительнаго? Нѣть, вопреки мнѣнію такихъ скептиковъ я исходилъ изъ того положенія, что *естественная* мысль можетъ сознать и выяснить *естественный-же* духовный свѣтъ, — ту систему практическихъ постулатовъ, чаяній, интуицій, стремленій и т. д., которая ведеть человѣка къ естественному богоопознанію и общей, всѣмъ свойственной вѣрѣ. И дѣйствительно я многому въ этомъ отношеніи научился у представителей такъ называемой естественной мудрости — у философовъ. Они помогли мнѣ, напр. вложить реальный смыслъ въ многосодержательное изреченіе, которымъ Апостолъ опредѣлилъ

цѣль обитанія языковъ по всему лицу земли — «да поне осяжутъ Его»; они помогли вскрыть тѣ многоразличные и чрезвычайно переплетенные пути, которыми естественное человѣчество уразумѣвало «разумное Божіе» — все то невидимое, что, становясь чрезъ разсматриваніе твореній видимыхъ, приводило его къ Богу; они помогли сознать всю непобѣдимую энергію нравственного закона, по которому и языцы, не имуще закона естествомъ законная творятъ (Рим. 2, 14), свидѣтельствуя тѣмъ самымъ о сознаніи своей зависимости отъ Бога и Его святаго закона; у нихъ я встрѣчалъ изумительные по тонкости анализы религіознаго сознанія — односторонніе, правда, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ надлежащаго руководства, но съ формальной стороны весьма плодотворные и т. д. Апологету не лишне такъ-же имѣть въ виду и то, что его предполагаемые противники, которыхъ онъ хочетъ убѣждать, вѣроятно гораздо скорѣе, чѣмъ его самаго, послушаютъ тѣхъ мыслителей, которые вышли изъ ихъ-же среды, говорять имъ языкомъ, живутъ тѣми-же интересами, вращаются въ кругу тѣхъ-же понятій. Богослову и даже тому авторитетному свидѣтельству, на которомъ онъ утверждается, скептикъ пожалуй не повѣритъ, а Спенсеру, когда онъ скажетъ тоже самое, ужъ конечно повѣритъ. А если Спенсера поддержить Милль, пополнить и исправить Ланге, Гартманъ и цѣлая фаланга другихъ такъ называемыхъ «независимыхъ» мыслителей,—тогда нашъ скептикъ, пожалуй, и совсѣмъ откажется отъ своего скептицизма. Во всякомъ случаѣ для апологета не безполезно заручиться такимъ союзничествомъ. Такъ я думалъ, такъ и поступалъ: утверждаясь на почвѣ откровенія, не работѣвшівалъ предъ философами, но и не чуждался ихъ, сознавая, что они могутъ сослужить добрую

службу. Въ этомъ тонѣ и выполнена моя работа. И вотъ почему, оставляя ее, я вправѣ, кажется, былъ сказать, что въ ней «біблейско-теистическая идея находитъ свое воплощеніе въ понятіяхъ и терминахъ современаго научно-философскаго сознанія», и что именно поэтому самому она «можетъ способствовать переходу отъ науки и философіи къ разумной и убѣжденной вѣрѣ».

Я кончилъ. Мои достоуважаемые оппоненты скажутъ мнѣ, вѣрны ли путемъ яшелъ, не следовало ли мнѣ свернуть съ него, куда и почему.

A. Введенскій.

